

ДМИТРИЙ
ШЕПИЛОВ

АЛЕКСЕЙ
АДЖУБЕЙ

НАМИ
МИКОЯН

ФУРЦЕВА

ЕКАТЕРИНА ТРЕТЬЯ

**Алексей Иванович Аджубей
Нами Артемьевна Микоян
Дмитрий Трофимович Шепилов
Фурцева. Екатерина Третья
Серия «Вожди Советского Союза»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17715346

Фурцева. Екатерина Третья/ А.И. Аджубей : Алгоритм; Москва; 2012

ISBN 978-5-4438-0177-3

Аннотация

Екатерина Алексеевна Фурцева занимала высшие посты в советской государственной и партийной системе при Хрущеве и Брежневе. Она была Первым секретарем МГК КПСС, членом Президиума ЦК КПСС, министром культуры СССР. Фурцева являлась своеобразным символом Советского Союза в 1950–1970-х гг., – волевая, решительная, властная женщина, Фурцева недаром получила прозвище «Екатерина Третья». В книге, представленной вашему вниманию, о личности и политике Екатерины Фурцевой вспоминают известные деятели той поры: Д. Т. Шепилов, Председатель КГБ СССР и заместитель Председателя Совета министров СССР при Хрущеве и Брежневе; А. И. Аджубей, главный редактор газет «Комсомольская правда»

и «Известия», зять Хрущева; Н. А. Микоян, писательница и журналист, невестка знаменитого А. И. Микояна.

Содержание

Д. Т. Шепилов	5
Смерь Сталина. Вопрос о преемнике	5
Хрущев	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Дмитрий Шепилов, Алексей Аджубей, Нами Микоян Фурцева. Екатерина Третья

**Д. Т. Шепилов
Хрущев и его команда
(Из книги Д. Т. Шепилова
«Непримкнувший»)**

Смерь Сталина. Вопрос о преемнике

Я сидел в своем рабочем кабинете в «Правде». Готовили очередной номер газеты на 6 марта 1953 года.

Около 10 часов вечера зазвонил кремлевский телефон – «вертушка»:

– Товарищ Шепилов? Говорит Сулов. Только что скончался Сталин. Мы все на «ближней» даче. Приезжайте немедленно сюда. Свяжитесь с Чернухой и приезжайте возможно скорей.

В. Чернуха был вторым, после Поскребышева, помощни-

ком Сталина.

Я ничего не сказал в редакции. Распорядился продолжать подготовку очередного номера. Вызвал машину. Предупредил, что еду в Кремль, к Поскребышеву, и спустился на улицу.

Весть эта была настолько невероятна, что не доходила до сознания и воспринималась как что-то нереальное, призрачное.

С именем Сталина связаны были все великие свершения Советской Страны, ее величие и слава. И вот Сталина нет...

Правда, уже в течение нескольких дней по Москве ползли зловещие слухи о тяжелом заболевании Сталина, Передавали разное: одни говорили, что у Сталина инфаркт сердечной мышцы; другие – что его разбил паралич; третьи – что Сталина отравили. Многое говорили.

Никаких внешних признаков недомоганий у него, впрочем, не было. Частенько после заседаний Президиума он с друзьями часами проводил у себя на даче время за ужином. Ел горячие жирные блюда с пряностями и острыми приправами. Пил алкогольные напитки, часто делал только ему ведомые смеси в стакане из разных сортов коньяка, вин и лимонада. Поэтому все считали, что Сталин здоров.

Конечно, очень близкие к нему люди не могли не замечать все большего нарастания у Сталина за последние годы психопатологических явлений. Так, например, в разгар веселого ужина с самыми близкими ему людьми – членами Президи-

ума ЦК – Сталин вдруг вставал и деловым шагом выходил из столовой в вестибюль. Оказавшись за порогом, он круто поворачивался и, стоя у прикрытой двери, напряженно и долго вслушивался: о чем говорят без него. Конечно, все знали, что Сталин стоит за дверью и подслушивает, но делали вид, что не замечают этого. Сталин подозрительно всматривался во всякого, кто по каким-либо причинам был задумчив и не весел. Почему он задумался? О чем? Что за этим кроется? Сталин без слов требовал, чтобы все присутствующие были веселы, пели и даже танцевали, но только не задумывались. Положение было трудное, т. к. кроме А. Микояна никто из членов Президиума танцевать не мог, но, желая потрафить хозяину, и другие должны были импровизировать какую-то трясучку.

В связи с этой прогрессирующей подозрительностью нужно было в присутствии Сталина вести себя очень осмотрительно.

* * *

Вспоминаю такой эпизод. В 1949 году на заседании Президиума ЦК под председательством Сталина слушался вопрос о присуждении Сталинских премий. Заседание шло в том историческом зале, в котором Ленин проводил заседания Совета Народных Комиссаров и в котором и сейчас стоит как реликвия его председательское кресло. Как заведу-

ющий отделом пропаганды и агитации ЦК я присутствовал и выступал на этом заседании. По окончании его я решил спросить у Сталина, как обстоит дело с учебником политической экономии, последний вариант которого давно уже находился у него на просмотре. Об этом меня просили многие ученые-экономисты.

Заседание кончилось. Почти все разошлись. Сталин по среднему проходу направился к выходу, некоторые члены президиума еще толпились у боковой двери. Я торопливым шагом пошел навстречу Сталину. Бросив на меня тяжелый, пристальный взгляд исподлобья, он на секунду задержался на месте, а затем круто повернул вправо и пошел к боковой двери, где еще задержались некоторые члены президиума. Я догнал его и изложил свой вопрос. Я видел, как в его глазах большая настороженность и недоумение сменились на доброжелательность, а в уголках глаз появились веселые искорки.

Подошли А. Жданов, Г. Маленков, еще кто-то.

Сталин:

– Вот Шепилов ставит вопрос, чтобы дать возможность нашим экономистам самим выпустить учебник политической экономии. Но дело это важное. Не только наше, государственное, но и международное. Поэтому без нас здесь не обойтись. Вы не против того, чтобы мы участвовали в этом деле? – улыбаясь, спросил Сталин.

Я ответил, что я, конечно, не против этого.

– Но ведь вы очень заняты, товарищ Сталин, а учебник позарез нужен.

– Что значит занят? Для такого хорошего дела найдем время.

Андрей Александрович Жданов сказал мне потом, что я вел себя очень неосторожно. Тогда я не знал всех кремлевских тайн, был совершенно не искушен в придворных делах и тонкостях и даже не совсем понял смысл его замечания и предостережения. Очень многое стало проясняться гораздо позже, главное же – лишь после смерти Сталина.

С годами подозрительность, страхи, маниакальные представления у Сталина явно прогрессировали. Поэтому, терзаемый страхами, Сталин обычно всю ночь проводил за работой: рассматривал бумаги, писал, читал. Читал он невероятно много: и научной, и художественной литературы, и все очень крепко и по-своему запоминал и переживал. Ложился он спать, как правило, лишь с наступлением рассвета.

Перед тем как лечь спать, Сталин нередко пристально всматривался через окна: нет ли на земле или на снегу следов человеческих ног, не подкрадывался ли кто к окнам. В последнее время он даже запрещал сгребать свежий снег под окнами – ведь на снегу скорее увидишь следы.

Одержимый страхами, он часто ложился спать не раздеваясь, в кителе и даже в сапогах. А чтобы свести мнимую опасность к минимуму, ежедневно менял место сна: укладывался то в спальне, то в библиотеке на диване, то в кабине-

те, то в столовой. Зная это, ему с вечера стелили постели в нескольких комнатах одновременно.

При выездах с дачи в Кремль и обратно Сталин сам назначал маршрут движения по улицам и постоянно менял его.

А Берия и бериевцы, зная эти нарастающие патологические черты Сталина, умышлено ему сыпали соль на раны. Они изобретали и докладывали ему всякие фантастические истории о готовящихся покушениях, измене Родине и т. д.

* * *

...Вечером 1 марта все шло как обычно. Было заседание в Кремле. Затем все приехали на «ближнюю» ужинать. К столу по традиции подавались горячие жирные с острыми приправами и пряностями кавказские, русские, украинские блюда: харчо, чахохбили, борщ и жареная колбаса, икра, белая и красная рыба. Набор коньяков, водок, вин, лимонада.

Как всегда, прислуги никакой не было; каждый наливал и накладывал себе сам. Разъехались по домам далеко за полночь.

Последующий ход событий никто точно не знает. Утром Сталина нашли в бессознательном состоянии лежащим на полу у дивана в библиотеке, т. е. в первой комнатке при входе направо, где он больше всего любил работать. По-видимому, после разъезда членов Президиума Сталин, непрерывно попыхивая своей трубкой, удалился в библиотеку. Здесь ночью

у него произошло мгновенное кровоизлияние в мозг, Сталин потерял сознание и упал на пол у дивана. Так он пролежал до утра без сознания и без медицинской помощи. Да она и не могла быть оказана. Из-за маниакальных страхов Сталина в комнату, где он находился, запрещено было входить кому бы то ни было из охраны или прислуги.

Впоследствии Н. Хрущев мне на прогулках много рассказывал о предсмертных днях и часах Сталина. Рассказывали и другие. Тогда смысл и значение многих фактов, о которых рассказывали, были мне не ясны. Позже все предстало в своем истинном свете.

В ходе дежурств у смертного одра шла напряженная игра. Внешне все члены Президиума ЦК представляли собой дружный товарищеский коллектив, с открытыми прямыми отношениями, что было в традициях старой большевистской гвардии. На самом деле под покровом внешнего полного единства и товарищеской спаянности развивалась бешеная деятельность, чтобы решить организационные вопросы, а значит, и последующий ход событий в интересах собственного возвеличивания и собственной карьеры. Такими лицами были два члена Президиума ЦК: Л. Берия и Н. Хрущев.

Судя по многочисленным признакам, Сталин не думал о смерти и совершенно не подготавливал к этому неизбежному событию руководство страной и партией. Сталин вел себя так, словно «его же царствию не будет „конца“».

Правда, иногда Сталин делал вид, что он тяготится свои-

ми постами и хотел бы освободиться от них. Вспоминаю такой факт:

В октябре 1952 года мы, вновь избранные на XIX съезде партии члены ЦК, собрались в Свердловском зале на свой первый пленум. Когда встал вопрос о формировании руководящих органов партии, Сталин взял слово и стал говорить о том, что ему тяжело быть и премьером правительства, и генеральным секретарем партии:

– Годы не те; мне тяжело; нет сил; ну, какой это премьер, который не может выступить даже с докладом или отчетом.

Сталин говорил это и пытливо всматривался в лица, словно изучал, как будет реагировать Пленум на его слова об отставке. Ни один человек, сидевший в зале, практически не допускал возможности отставки Сталина. И все инстинктом чувствовали, что и Сталин не хочет, чтобы его слова об отставке были приняты к исполнению.

Выступил Г. Маленков и сказал только одну фразу – что нет необходимости доказывать, что Сталин должен остаться и премьером и Генеральным секретарем. «Иначе просто невозможно», – сказал он, а Сталин не настаивал на своей просьбе.

Но годы давали себя чувствовать. И Сталин вынужден был, например, ссылаясь на то, что ему это не по силам, поручить отчетный доклад ЦК на XIX съезде партии Г. Маленкову. Но этот шаг вовсе не означал, что Сталин именно так хотел решить вопрос о своем преемнике.

Вопрос о преемнике Сталина, конечно, подспудно обсуждался среди членов партии и в народе. И каковы бы ни были различия и оттенки в мнениях, все, абсолютно все сходилось на том, что в руководящем ядре партии есть один преемник Сталина, подготовленный всем предшествующим ходом развития революции и внутрипартийной борьбы – это В. Молотов.

Член большевистской партии с 1906 года. Ученик и соратник Ленина и Сталина. За свою революционную деятельность Молотов многократно арестовывался. Свои «университеты» прошел не только в Казанском реальном училище и Петербургском политехническом институте, но и в многочисленных тюрьмах, в вологодской и сибирской ссылках. В. Молотов был делегатом большинства съездов партии, одним из создателей газеты «Правда» и секретарем ее редакции.

Всякому, кто так или иначе соприкасался с В. Молотовым, бросались в глаза некоторые его типические черты. Прежде всего – это партийная воспитанность и дисциплинированность, доходящая до абсолюта, до фетиша! Всякое решение ЦК, указание ЦК, даже порой телефонный звонок ответственного работника ЦК были для Молотова святыней. Все подлежало точному и безукоризненному исполнению в

назначенный срок и любой ценой.

Так было во всем. Так было, в частности, в его международной деятельности. Получив директивы Президиума ЦК к участию в какой-нибудь международной конференции, Генеральной Ассамблее ООН или любого другого международного совещания, Молотов был непримирим и неистов в их осуществлении. Он обычно решительно отстранял всякие явные или замаскированные поползновения своих противников на дипломатическом поприще добиться какого-либо компромисса со стороны делегации Советского Союза. Поэтому в международных дипломатических кругах за Молотовым укрепилось звание «Господин „нет“».

Свыше 30 лет рука об руку шел Молотов со Сталиным, с величайшим тактом отдавая ему приоритет во всем. И тем не менее Сталин, в качестве первого подступа к тому, чтобы политически дискредитировать Молотова и свести его с политической арены, приказал арестовать его жену, старую коммунистку и государственную деятельницу П. Жемчужину. Долгие дни и ночи держали ее в страшной одиночке, чтобы превратить в орудие изобличения Молотова.

Вслед за тем Сталин на Пленуме ЦК без всяких оснований выразил Молотову политическое недоверие, обвинил его в «капитуляции перед американским империализмом» и предложил не вводить Молотова в состав Бюро Президиума ЦК. Что и было сделано. В. Молотов принял это без единого слова протеста. И когда Н. Хрущев начал свою

необузданную, доведенную до крайностей, лишенную всякого учета общепартийных и государственных интересов СССР брань мертвого Сталина, Молотов ни на секунду не поддался чувству личной обиды и допущенной в отношении него глубокой несправедливости со стороны Сталина. Казалось бы, что никакая сверхчеловеческая воля при аналогичных обстоятельствах не смогла бы предотвратить самую острую критику Сталина. Но Молотов обладает именно такой сверхчеловеческой выдержкой. Он решительно возражал против такой односторонней оценки и критики Сталина, которая могла бы причинить вред Коммунистической партии, Советской стране, мировому рабочему и коммунистическому движению. И он совершенно не заботился о том, чтобы в такой благоприятный для любого политикана момент повысить свои собственные акции.

Молотову вообще были не присущи черты всякого ячества, самолюбования, которые, допустим, у того же Вышинского носили характер патологического «нарциссизма», а у Хрущева раздулись до таких размеров, что вызывали всеобщие издевки.

Престиж Молотова в партии и в народе был очень высок, и казалось, что у смертного одра Сталина именно Молотов максимально активизируется и станет центром формирования руководящего ядра партии. Но этого не произошло.

Молотов сохранял свое каменное спокойствие и невозмутимость. Он, как и другие члены Президиума ЦК, нес свою

вахту у постели умирающего, занимался текущими делами, но не проявлял ни малейших признаков того, что он озабочен тем, что будет завтра, когда пробьет урочный час Сталина.

* * *

Георгий Маленков. По своей натуре этот человек был лишен всяких диктаторских черт, и у меня сложилось впечатление, что он не был честолюбивым человеком. Он был мягок, податлив всяким влияниям и всегда испытывал необходимость притулиться к какому-нибудь человеку с сильной волей. И он притулялся: к Сталину, к Ежову, к Берии, затем к Хрущеву. Он был идеальным и талантливым исполнителем чужой воли, и в исполнительской роли проявлял блестящие организаторские способности, поразительную работоспособность и рвение. Он не был человеком широкой инициативы или новатором. Но когда он получал какое-либо указание от Сталина, то ломал любые барьеры, мог идти на любые жертвы и затраты, чтобы выполнить это задание молниеносно, безукоризненно и доложить об этом Сталину. Поэтому в аппарате ЦК шутили, что Маленков всегда требует, чтобы всякое поручение Сталина было выполнено «вчера».

В своей преданности Сталину и убежденности в его непогрешимости он даже не ставил перед собой вопроса: будет ли от выполнения этого задания польза или вред государству.

В этом смысле Маленков был даже более правоверным, чем Молотов. В. Молотов по праву старейшего и наиболее влиятельного соратника Сталина мог позволить себе иногда в форме полувопроса, краткой реплики или подходящей шутки поспорить со Сталиным, взять кого-нибудь под защиту или поставить новый вопрос. Маленков не позволял себе таких вольностей и... действовал только по формуле: «сказано – сделано».

В напряженные дни предсмертной агонии Сталина Г. Маленков делал все необходимое, что рекомендовали ему Хрущев, Берия, Булганин, Каганович и другие для организации лечения Сталина или для решения неотложных дел. Делал это так, чтобы в случае выздоровления Сталина его действия могли быть истолкованы только как вполне верноподданные. Судя по всему, он был действительно искренне привязан к Сталину.

У смертного одра Сталина, в атмосфере тягостных раздумий о будущем, неопределенности и тревоги среди членов Президиума ЦК, только, повторяю, Хрущев и Берия знали, чего они хотят.

Конечно, ни один человек в партии и стране не думал ни о Хрущеве, ни о Берии как о возможных преемниках Сталина на постах Председателя Совета Министров или Генерального секретаря ЦК. Но иного мнения держались они сами и всеми методами – посулами, лестью, интригами, устрашением – действовали в определенном направлении.

Все близкие к ЦК люди знали, что Хрущев – фаворит Сталина. За последний период патологические черты в состоянии диктатора все нарастали. Это обуславливало и изменения в его отношении к окружающим. Он уже опасался Берии и избегал встреч с ним. Он уже зачислял в разряд вражеских лазутчиков Молотова, Ворошилова, Микояна. В своей маниакальной одержимости он периодически менял работников МГБ и обслуживавших его лиц. Но именно в этот период дошедшей до апогея подозрительности Сталин потребовал перевода в Москву Хрущева и сделал его секретарем Центрального и Московского комитетов партии.

Но Хрущев не довольствовался положением одного из секретарей ЦК. После И. Сталина вторым секретарем ЦК был А. Жданов, а после его смерти Г. Маленков. Хрущев исходил из того, что главенствующее положение в ЦК дает возможность расставлять нужным образом кадры во всех сферах государственной, экономической и общественной жизни, руководить всеми республиканскими и местными партийными организациями, держать в своих руках все ключевые позиции управления. И Хрущев рвался на первую роль в этой сфере, лелея те же честолюбивые мечты, что и Берия, но избрав для достижения своих целей другие, обходные, пути.

В предварительных переговорах Хрущев сразу заявил, что хотел бы целиком сосредоточиться на работе в Центральном Комитете партии и освободиться от обязанностей секретаря Московского комитета. С этим согласились все, не

предвидя тогда, к каким роковым последствиям это может повести. В. Молотов был по-прежнему замкнут, каменно холоден, словно все нарастающее кипение страстей не имеет к нему никакого отношения.

Назначение покладистого, не особенно самостоятельного и лишённого претенциозности Г. Маленкова на пост Председателя Совета Министров СССР казалось, как Берии, так и Хрущеву, на данной стадии наиболее приемлемым.

* * *

...После звонка М. Суслова, сообщившего мне о смерти Сталина, члены Президиума решили не оставаться с покойным, а вернуться в Москву, в кабинет Сталина, где обычно проходили заседания Политбюро, и там обсудить все неотложные вопросы.

В несколько приемов поднялись лифтом наверх. Небольшой проходной зал. Направо дверь в широкий коридор. Здесь массивная дверь вела в просторную приемную Сталина. Большой стол и тяжелые стулья. На столе обычно лежали важнейшие иностранные газеты – американские, английские, французские и т. д., – стопки бумаги и карандаши. Отсюда дверь вела в кабинет помощника Сталина А. И. Поскребышева. Около его письменного стола во время заседаний Политбюро или приема у Сталина находились два-три полковника или генерала из охраны Сталина.

Но сейчас никто не задерживался в приемной или у Поскребышева. Все прибывшие члены Президиума ЦК сразу проследовали в кабинет Сталина. Сразу приглашен был и я.

Знакомый просторный кабинет. Справа от входной двери высокие окна, выходившие на Красную площадь. Белые шелковые гофрированные задерживающиеся шторы. В углу у одного из окон большой письменный стол. На нем чернильный прибор, книги, бумаги, пачка отточенных черных карандашей, которыми чаще всего Сталин пользовался для своей работы; модели каких-то самолетов.

Атмосфера этого первого заседания Президиума ЦК после смерти Сталина была слишком сложной, чтобы охарактеризовать ее какой-нибудь одной фразой. Но в последующие месяцы и годы я часто вспоминал это ночное заседание в часы и минуты, когда на «ближней» даче остывало тело усопшего диктатора.

Когда все вошли в кабинет, началось рассаживание за столом заседаний. Председательское кресло Сталина, которое он занимал почти 30 лет, осталось пустым, на него никто не сел. На первый от кресла Сталина стул сел Г. Маленков, рядом с ним – Н. Хрущев, поодаль – В. Молотов; на первый стул слева сел Л. Берия, рядом с ним – А. Микоян, дальше с обеих сторон разместились остальные.

Меня поразила на этом заседании столь не соответствовавшая моменту развязность и крикливость все тех же Берии и Хрущева. Они были по-веселому возбуждены, то тот,

то другой вставляли скабрёзные фразы. Восковая бледность покрывала лицо В. Молотова, и только чуть сдвинутые надбровные дуги выдавали его необычайное душевное напряжение. Явно расстроен и подавлен был Г. Маленков. Менее горласт, чем обычно, Л. Каганович. Смешанное чувство скрытой тревоги, подавленности, озабоченности, раздумий царило в комнате.

Это не было стандартное заседание с организованными высказываниями и сформулированными решениями. Отрывочные вопросы, возгласы, реплики перемежались с рассказами о каких-то подробностях последних дней и часов умершего. Не было и официального председательствующего. Но в силу ли фактического положения, которое сложилось в последние дни, в силу ли того, что вопрос о новой роли Г. Маленкова был уже обговорен у изголовья умирающего, – все обращались к Маленкову. Он и резюмировал то, о чем приходили к решению.

Кажется, М. Суслову и П. Пospelову поручено было немедленно подготовить обращение от ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета ко всем членам партии, ко всем трудящимся Советского Союза о смерти Сталина.

Создана была правительственная комиссия по организации похорон под председательством Н. Хрущева, с участием Л. Кагановича, Н. Шверника и других.

Единодушно и без особого обсуждения решено было со-

орудить саркофаг с набальзамированным телом Сталина и поместить его в Мавзолей на Красной площади, рядом с саркофагом В. И. Ленина. При этом кто-то (не помню кто) внес предложение о сооружении в Москве монументального здания – пантеона, как памятника вечной славы великих людей Советской страны. Имелось в виду, что в пантеон будут перенесены из Мавзолея саркофаги В. И. Ленина и И. В. Сталина, а также останки выдающихся деятелей, захороненных у Кремлевской стены. Помню, что Н. Хрущев предложил соорудить такой пантеон в новом юго-западном районе Москвы. Но решили сейчас не предрешать этого вопроса. Еще будет время подумать об этом.

Условились на следующий день созвать Пленум ЦК, на котором решить самые неотложные вопросы руководства партией и страной.

* * *

...6 марта состоялся Пленум ЦК. Впервые я попал в этот зал в марте 1943 года: здесь всесоюзный староста М. И. Калинин вручил мне боевой орден Красного Знамени за Сталинградскую битву. Впоследствии я бывал в Свердловском зале многократно и всякий раз любовался этим великим творением Казакова.

Все организационные вопросы решены были без обсуждения и, как всегда, единогласно. Пост Председателя Совета

Министров занял Г. Маленков. Его первыми заместителями стали члены Президиума ЦК Л. Берия, В. Молотов, Н. Булганин и Л. Каганович.

К. Ворошилов рекомендован был главой государства – Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

Кроме перечисленных лиц в состав Президиума ЦК вошли А. Микоян, М. Сабуров и М. Первухин.

В области государственного управления и экономики взят был курс на сверхцентрализацию: гигантские по объему и значению отрасли экономики или государственного управления объединялись в одном центре, во главе которого ставился член Президиума ЦК.

Так осуществился замысел Л. Берии. Он оказался во главе огромного Министерства внутренних дел, которое объединило и бывшее Министерство государственной безопасности. Многочисленные внешние признаки свидетельствовали о том, что Л. Берия будет занимать второе место в высших органах государственного и партийного руководства. Учитывая же мягкость и податливость Г. Маленкова, роль Берии могла оказаться доминирующей в обеих сферах.

Все понимали необходимость извлечь определенные уроки из положения, сложившегося при Сталине, когда Генеральный секретарь ЦК превратился в единоличного управителя в партии и государстве, обладая колоссальной властью и фактически никому не отчитываясь. Это навлекло на партию и страну величайшие беды.

Вот почему для предотвращения образования вновь системы единоличного диктаторства решено было не иметь в партии поста Генерального секретаря ЦК.

А как же быть тогда с председательствованием на заседаниях Президиума ЦК, где решались по существу и окончательно все важнейшие вопросы жизни страны – политические, международные, экономические, идеологические? Сходились на том, что нужно восстановить ленинскую традицию: при Ленине на заседаниях Политбюро председательствовал глава Совнаркома, т. е. Ленин, а не Генеральный секретарь ЦК Сталин.

При таком порядке на заседаниях Президиума ЦК теперь, после смерти Сталина, должен будет председательствовать Г. Маленков. Что касается Секретариата ЦК, руководящего текущей работой, главным образом по организации проверки исполнения решений партии и подбору кадров, то предполагалось, что здесь по очереди будут председательствовать несколько секретарей ЦК.

Как показали события самого ближайшего будущего, Н. Хрущев, конечно, внутренне не был согласен с такой системой. Он никак не собирался поддерживать укрепление руководящего положения Г. Маленкова в партии и стране и вынашивал совершенно другие, честолюбивые планы. Но на данном этапе он не возражал против предлагаемой реформы. Он лишь предложил освободить его от обязанностей первого секретаря Московского комитета партии с тем, что-

бы сосредоточиться полностью на работе в ЦК. Это и было принято на Пленуме 6 марта.

Назначение Хрущева на пост Секретаря ЦК соответствовало его самым сокровенным желаниям. Оно знаменовало собой первый акт той трагедии, которая скоро начала развертываться на глазах всего мира и, подобно пробуждающемуся вулкану, наращивать свои разрушительные последствия. То, что был упразднен пост Генерального (или Первого) секретаря ЦК партии, было лишь формальным моментом, фактически же Хрущев с этого дня ставился в положение руководителя партии. И он очень скоро потребовал и юридическое оформления своего первенства.

Хрущев

...Впервые я увидел Хрущева осенью 1937 года. В большом зале Московской консерватории шел партийный актив. Повестку я уже не помню, кажется, обсуждался вопрос об итогах июньского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года.

Н. Хрущев появился в президиуме актива вместе с Л. Кагановичем, который в это время был народным комиссаром путей сообщения и тяжелой промышленности, а вдобавок шефствовал над Московской партийной организацией. Хрущева все считали выдвигенцем Кагановича.

Хрущев был одет в поношенный темно-серый костюм, брюки заправлены в сапоги. Под пиджаком – темная сатиновая косоворотка с расстегнутыми верхними пуговицами, Крупная голова, высокий лоб, светлые волосы, широкая открытая улыбка – все оставляло впечатление простоты и доброжелательства. И я, и мои соседи, глядя на Хрущева, испытывали не только удовлетворение, но даже какое-то умиление:

– Вот молодец, рядовой шахтер, а стал секретарем Московского комитета. Значит, башковитый парень. И какой простой...

Актив встретил Л. Кагановича и Н. Хрущева горячо. Хрущев вышел к трибуне, сопровождаемый аплодисментами. Он начал свое выступление. Видимо, тогда он еще не был так

натренирован в ораторстве, как в годы будущего премьерства: говорил запинаясь, с большими паузами и повторениями одних и тех же слов. Правда, когда он разгорячился, речь пошла бойчее, но речевых огрехов оставалось много.

О чем он говорил – сказать трудно. Обо всем, что приходило ему на ум. Эта особенность его речей сохранилась и в будущем... Помню, что он говорил о необходимости хорошо подготовить к зиме квартиры. Недопустимо, что в коммунальных квартирах – в коридорах и уборных – горят маленькие тусклые лампочки («что за крохоборство»). Надо проводить в домах центральное отопление и заготавливать дрова. Говорил, что торгующим организациям и самим домашним хозяйкам надо приготовить соленья.

– При засолке капусты надо порезать туда морковочки да положить клюковки. Тогда зимой от удовольствия язык проглотишь...

Все смеялись. И всем нравилось. Правда, произносил он многие слова неправильно: средства! сицилизм... Но говорил красочно. Речь пересыпал шутками-прибаутками. И как-то хотелось не замечать огрехов его речи: видно, что практик, жизнь знает хорошо, опыт большой. А в остальном, наверное, поднатаскается.

Но в глубине души нет-нет да и всплывали недоуменные и тревожные вопросы: что же происходит? Ведь во главе столичной организации всегда стояли старые большевики, соратники Ленина, даровитые публицисты, трибуны револю-

ции. Куда девались эти люди? Неужели всем им выражено политическое недоверие? Да, многое неясно, мучительно неясно. Но, должно быть, все, что происходит, закономерно. Ведь троцкисты и правые – это же не миф, это действительно противники генеральной линии партии.

Такова была моя первая встреча с Хрущевым и первые подспудные и недоуменные вопросы, которые породило его появление на столичной политической арене.

* * *

После окончания войны я работал в Главном политическом управлении Вооруженных сил СССР, затем редактором «Правды» по отделу пропаганды, затем начальником управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б).

Стояло знойное лето 1948 года. В кабинете начальника Агитпропа ЦК стояла почтительная тишина. От величественных шкафов с книгами, массивного стола, покрытого темно-зеленым сукном, лакированных стульев, дорогих шелковых драпри веяло спокойствием и торжественностью.

Вошел Н. Хрущев. Он был в белом костюме и вышитой украинской рубашке, на груди затянутой шнурком с кисточками. С фронта он ушел сразу же после освобождения Киева и работал Первым секретарем ЦК Компартии Украины. Пышущий здоровьем, загорелый, веселый, улыбающийся. Работая в ЦК, я по старой своей специальности эконо-

миста-аграрника интересовался сельскохозяйственными делами. Следил по мере сил и возможностей и за выступлениями Н. Хрущева: Украина оставалась важнейшей житницей страны. Иногда я и сам писал по этим вопросам.

Хрущев изложил мне вопросы и просьбы, касавшиеся газет Украины, с которыми он зашел. Затем разговор переметнулся на сельскохозяйственные темы.

– Да, мне наши украинские товарищи говорили, что до войны вы много писали статей и книг по сельскому хозяйству. Я, признаться, ничего вашего не читал. Но я старый болельщик за сельское хозяйство. Если вы интересуетесь этими делами, приезжайте к нам, кое-что полезное вам покажем в деревне... А вы знаете, я вам подарок привез: мы освоили производство магнитофонов «Днепр». Замечательная штука. Вы знаете, если это дело развернуть, то магнитофон может заменить и лектора, и беседчика в клубах, и артистов многих. Вам, как агитпропу, это важно. Если ЦК заинтересуется этим, мы на Украине можем поставить их массовое производство. Вы знаете, у меня дача на Днепре. И вот я сам этой весной записал на пленку соловьиное пение. Просто пустил на террасе магнитофон и записал. Я вам дам диск с пленкой. До чего же здорово. Послушайте, какие трели. А на пленке не отличишь от живого пения.

Я поблагодарил. И снова подумал про себя: до чего же хороший мужик. Член Политбюро ЦК, а как просто держится. На прием пришел. На фронте каждому по ящику подарков

прислал, а тут – магнитофон.

Наша с ним совместная работа началась уже после смерти Сталина. И тогда, в разное время и по разному поводу, возникали некоторые вопросы биографии Хрущева. Он очень любил рассказывать о себе: о своем детстве, о людях, с которыми встречался. Память у него была феноменальная. Он помнил числа, дни недели события или разговора, которые были 30–40 и более лет назад. Помнил имена и биографии людей, с которыми встречался даже в самые отдаленные годы. Рассказчик он был великолепный: рассказывал все ярко, красочно, вкусно, со смешинкой и перцем. Я слышал его многочисленные рассказы о себе, о прошлом и на заседаниях Президиума ЦК, и во время совместных поездок за границу, и во время довольно частых в один период совместных прогулок у меня или у него на даче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.